

НОВОИ

обозрение

№ 40 (1999)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Сергей Козлов (теория)
Сергей Панов (история)
Татьяна Михайловская (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Галина Белая (Москва)
Николай Богомолов (Москва)
Вадим Вацуро (Петербург)
Михаил Гаспаров (Москва)
Борис Дубин (Москва)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Москва)
Ларс Клеберг (Стокгольм)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Ошоват (Москва / Лос-Анджелес)
Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)
Игорь Смирнов (Констанц / Мюнхен)
Роман Тименчик (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Чудаков (Москва)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

И

МОСКВА

НОВОИ

обозрение

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

БУЛГАРИНСКИЙ НОМЕР

*Составитель и редактор
А. И. Рейтблат*

ИФ

О Д Е Р Ж А Н И Е

№ 40 (1999)

А. И. РЕЙТБЛАТ 6 От составителя

БУЛГАРИН И ВОКРУГ

ТАТЬЯНА ГОЛОВИНА	11	Голос из публики (<i>Читатель-современник о Пушкине и Булгарине</i>)
РОНАЛЬД ЛЕБЛАНК	17	«Русский Жилблаз» Фаддея Булгарина (<i>Пер. с англ. Е. Островской и А. Плисецкой</i>)
ЭДУАРД ПЕЛЬЦ	58	Литература и литераторы (<i>Пер. с нем. Н. Н. Федоровой. Вступ. заметка и комм. А. И. Рейтблата</i>)
А. И. РЕЙТБЛАТ	87	Булгарин и Наполеон
Н. И. ГРЕЧ	94	Письма к Ф. В. Булгарину (<i>Вступ. заметка, подг. текста и комм. А. И. Рейтблата</i>)
ОЛЕГ ПРОСКУРИН	113	Конец благих намерений (<i>«Благонамеренный», «Московский телеграф» и Александр Пушкин</i>)
МАЛЛЕ САЛУПЕРЕ	142	Ф. В. Булгарин как историк (<i>К вопросу об авторстве «России»</i>)

ПИСАТЕЛЬ И ВЛАСТЬ: АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

А. И. РЕЙТБЛАТ	158	Русские писатели и III отделение (1826–1855)
А. А. ОРЛОВ	187	Письмо министру народного просвещения С. С. Уварову (<i>Вступ. заметка, публ. и комм. А. И. Рейтблата</i>)
Н. Н. КОЗЛОВА	193	Согласие, или Общая игра (<i>Методологические размышления о литературе и власти</i>)
БАРБАРА УОКЕР	210	Кружковая культура и становление советской интеллигенции: на примере Максимилиана Волошина и Максима Горького

Т. ДУБИНСКАЯ- ДЖАЛИЛОВА	223	Великий гуманист (<i>По материалам переписки М. Горького и И. В. Сталина</i>)
	251	Переписка М. Горького и И. В. Сталина (1934–1936) (<i>Публ. и комм. Т. Дубинской-Джалиловой, А. Чернева</i>)
	297	«О брат мой, о поэт! — тяжел удел у нас...» (<i>Вступ. заметка и публ. В. Нехотина</i>)
РОБЕРТ БЕРД	305	Вяч. Иванов и советская власть (1919–1924). <i>Неизвестные материалы</i>
Моника Спивак	332	«Социалистический реализм» Андрея Белого: история ненаписанной статьи
	345	«Услужующие в людской»: Сервиллизм советской литературы глазами пореволюционной эмиграции (<i>Публ. и комм. Р. Янгирова</i>)
Наталья Иванова	360	Libido dominandi. <i>Писатели и власть в (пост)перестроечное время</i>

**ЛИТЕРАТУРА И КОММЕРЦИЯ:
ПИСАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ НА КНИЖНОМ РЫНКЕ**

Галина Рылькова	379	«О читателе, теле и славе» Владимира Набокова
Биргит Менцель	391	Что такое «популярная литература»? <i>Западные концепции «высокого» и «низкого» в советском и постсоветском контексте (Пер. с нем. А. В. Маркина)</i>
Хартмуте ТРЕППЕР	408	Филипп Марлоу в шелковых чулках, или Женоненавистничество в русском женском детективе? (<i>Пер. с нем. А. Я. Ярина</i>)
	421	Торжество урки в царстве «допделей» (<i>Беседа Л. Гурского с Р. Арбитманом</i>)

БИБЛИОГРАФИЯ

Роберт Бёрд

ВЯЧ. ИВАНОВ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ (1919—1929)

Неизвестные материалы*

Отъезд Вячеслава Иванова из СССР в Италию в 1924 г. — закономерный и даже неизбежный момент в жизни этого «русского европейца». На первый взгляд превращение воспеваемой Ивановым Руси — Третьего Рима в нэповскую «совдепию» не оставило Иванову другого пути, кроме как в Рим первый. «Я еду в Рим, чтобы там жить и умереть», — говорил Иванов своим близким¹. Однако детальное рассмотрение жизни Иванова в годы его более или менее тесного сотрудничества с органами советской власти показывает, что в действительности дело обстояло гораздо сложнее.

О жизни Вяч. Иванова в Советской России существуют многочисленные документальные свидетельства современников, большая часть которых на сегодняшний день уже опубликована². К тому же, пожалуй, именно в эти годы Иванов вел наиболее интенсивную общественную деятельность, был «на виду» больше, чем в любой другой период его жизни, что позволяет описать его поведение с большой точностью³. Однако, несмотря на кажущуюся прозрачность его биографии в эти годы, остается невыясненной история его попыток уехать из России, начиная с 1920 г., — попыток, увенчавшихся успехом лишь четыре года спустя. Цель настоящей работы — на основе выявленных архивных документов дополнить наше представление о событиях, приведших к отъезду Иванова в 1924 г., и о его решении остаться за границей.

1. ИВАНОВ В НАРКОМПРОСЕ

В первые месяцы после захвата власти большевиками Иванов находится в открытой оппозиции новому правительству, участвуя в ряде независимых или антибольшевистских начинаний⁴. Однако к концу 1918 г. Иванов принял революцию как свершившийся факт и начал искать пути к сотрудничеству с новым правительством. В октябре 1918 г. Иванов поступил на службу в культурно-просветительские органы советской власти, сосредоточенные в Народном комиссариате просвещения (или «по просвещению»; далее в тексте — Наркомпрос), возглавляемом А.В. Луначарским, с которым Иванов был знаком с 1906 г.⁵ Сближение на служебной почве с такими видными большевиками, как Луначарский, О.Д. Каменева и П.С. Коган, сыграло важную роль в дальнейшей судьбе Иванова, так что следует указать с максимальной точностью, с кем и под чьим руководством Иванов работал. Можно отметить следующие вехи служебной карьеры Вяч. Иванова⁶: с 15 октября 1918 г. — председатель Бюро Историко-теоретической секции Театрального отдела (ТЕО Наркомпроса) под начальством О.Д. Каменевой⁷; с 14 июня 1919 г. — представитель Научно-художественной коллегии в Коллегии Центротeatра (реформированного ТЕО Нарком-

* Research for this article was supported in part by a grant from the International Research and Exchanges Board (IREX), with funds provided by the National Endowment for the Humanities, the US Department of State, and the US Information Agency. None of these organizations is responsible for the views expressed herein.

проса) под начальством Луначарского⁸; с декабря 1919 до августа 1920 г. — заведующий Академическим подотделом и, при председательстве В.Я. Брюсова, член Центральной коллегии Литературного отдела (ЛИТО)⁹; в 1919—1920 гг. — соредактор (с П.Н. Сакулиным и А.Е. Грузинским) Отдела литературы и филологии в Первой редакционной коллегии Государственного издательства¹⁰. Участие в Бюро по организации 1-го Всероссийского съезда по рабоче-крестьянскому театру в начале 1919 г. свело Иванова с П.С. Коганом, возглавлявшим Бюро¹¹. Несмотря на недовольство Наркомпроса подобным «совместительством» в разных отделах¹², Иванов выступает время от времени и в других отделах, например, 7 августа 1919 г. в Бюро художественных коммун¹³ и в 1920 г. в Музыкальном отделе (МУЗО), участвуя в организации концертов, посвященных памяти Скрябина¹⁴. Помимо самого Иванова в Наркомпросе служили его дочь Л.В. Иванова (в МУЗО с 23 августа 1918¹⁵) и его жена, к тому времени уже тяжело больная В.К. Иванова¹⁶.

Государственная служба обеспечивала Иванову и его семье необходимый заработок, медицинскую помощь (в 1919—1920 гг. Иванов и семья подолгу живут в санаториях) и удовлетворяла трудовой повинности, введенной большевиками в условиях «военного коммунизма». В 1919—1920 гг. Иванов получает зарплату в ТЕО и ЛИТО, «усиленный паек» в ЛИТО¹⁷ и дополнительную помощь из Центрального комитета по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) и Пролеткульта¹⁸. Известно, как в 1920 г. Иванов жил в «Здравнице для работников науки и литературы» в одной комнате с М.О. Гершензоном. О том, что эти льготы все же не избавляли семью от тягот, свидетельствуют воспоминания и письма современников¹⁹, фотографии исхудалого Вяч. Иванова в эти годы и смерть долголетней помощницы Иванова М.М. Замятниной весной 1919 г., а потом и жены 8 августа 1920 г.

В сотрудничестве Вяч. Иванова в органах советской власти играли роль не только факторы материального характера, но и известная близость эстетических взглядов Иванова к идеям, пропагандируемым Наркомпросом²⁰. В итоге за два года активной службы в культурно-просветительских органах Наркомпроса Иванов внес значительный вклад в создание специфически советской культуры. Более важным, однако, с точки зрения его биографии, является то, как Иванову удалось заслужить доверие и доброжелательное отношение со стороны упомянутых выше влиятельных лиц.

II. НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ОТЪЕЗД ВЯЧ. ИВАНОВА В 1920 г.

11 марта 1920 г. Коллегия Наркомпроса под председательством А.В. Луначарского рассмотрела прошение Иванова об оказании ему финансовой помощи для поездки за границу. Коллегия постановила:

«6) Принимая во внимание,

1) болезненное состояние т. В.И. Иванова и его семьи,

2) серьезность предпринимаемых им работ и поручений Наркомпроса, которые он берется выполнить:

а) ассигновать В.И. Иванову одновременно 50.000 р. на выезд за границу, б) установить для него командировочное жалование в 50.000 р. в месяц, сроком на полгода, в) ходатайствовать перед Наркомфинном о выплате этих сумм знаками думского образца»²¹.

Коллегия постановила ассигновать Иванову 15.000 р. для перевозки его личной библиотеки в музей им. А.А. Бахрушина, а также «указать т. В.И. Иванову, что ни на какую дополнительную поддержку со стороны Наркомпроса он не может рассчитывать»²².

Нельзя не сожалеть о том, что протоколы заседаний Коллегии Наркомпроса и других учреждений не передают ни мотивации, ни конкретных соображений, касающихся тех или иных постановлений. Однако в формулировках данного протокола угадывается благосклонность самого Луначарского, выступившего докладчиком в пользу Иванова на этом заседании Коллегии. Луначарский пытался придать командировкам культурных деятелей форму официальных поручений, хотя фиктивности из этих поручений ни для кого не являлась секретом. Так, в обращении Коллегии Наркомпроса к Наркомфину от 17 марта читаем: «Коллегией Народного Комиссариата по Просвещению, в заседании 11-го Марта с.г. постановлено оказать Члену Коллегий Литературного и Театрального Отделов Вячеславу Ив. ИВАНОВУ финансовую поддержку для поездки за границу, принимая во внимание, как серьезность предпринимаемых им работ и поручений Наркомпроса, которые он берется выполнять, так и болезненное состояние т. В.И. Иванова и его семьи. Коллегия постановила ассигновать В.И. Иванову одновременно 50.000 рублей на выезд за границу и установить для него командировочное жалование в 50.000 р. в месяц, сроком на полгода. Означенную валюту Народный Комиссариат по Просвещению просит выплатить знаками думского образца»²³.

К вопросу о том, какие поручения Луначарский мог давать Иванову, хотя бы и фиктивно, мы будем возвращаться неоднократно. 31 марта 1920 г. Иванов запросил сертификат от Академии наук, который ему и выдали 4 мая. Здесь Иван характеризует цели своей командировки следующим образом: «а) написание подготовляемой мной монографии о творчестве и вске Эсхила <...> и в связи с этой работой завершение и усовершенствование полного перевода (размерами подлинника) Эсхиловых трагедий <...> б) составление заказанного мне университетского руководства по истории эллинской религии; в) перевод «Божественной Комедии» Данте и составление сопровождающего перевод комментария»²⁴. В письмах Иванова к Крупской и Луначарскому также упоминается возможность создания в Италии института по изучению славянской культуры («Студия славянской культуры»), в котором Иванов должен был принять участие²⁵.

Практически в одно время с Ивановым прошения на заграничные поездки подали в Наркомпрос А. Белый, М.О. Гершензон, Ф. Сологуб и Ан. Чеботаревская, К.Д. Бальмонт, М.П. Арцыбашев²⁶, С.А. Кусевецкий, Вас. И. Немирович-Данченко. Различия в судьбах ходатайств этих лиц наводят на мысль о достаточно произвольной системе распределения наркомпросовских командировок, т.е. о своего рода фаворитизме. Так, Белому²⁷, Гершензону и Сологубу с супругой отказали в заграничной поездке. Судя по его письмам к Иванову-Разумнику, Белый добился нового рассмотрения своего дела и на сей раз получил благоприятный ответ, однако в протоколах Коллегии Наркомпроса нет документального подтверждения этого факта²⁸. В случае Гершензона Коллегия постановила «воздержаться» от командирования его за границу и принять меры по улучшению его бытового и медицинского положения в России²⁹. Но на том же заседании, 17 апреля 1920 г., Коллегия утвердила командировки Бальмонта и Кусевецкого

«для исполнения ими работ, указанных в их докладных записках, и с оставлением за ними получаемого содержания»³⁰, причем два месяца спустя Бальмонту было ассигновано еще 200.000 рублей для командировки³¹. 29 мая было отказано Сологубу и Чеботаревской в командировке «ввиду крайней затруднительности в настоящий момент выезда за границу»³². С 26 апреля шла война с Польшей, что действительно могло затруднить поездки, но при этом Коллегия не стала сразу отменять уже разрешенные командировки, а 15 июля Коллегия утвердила командировку Вас. И. Немировича-Данченко.

Документы, связанные с попыткой Луначарского утвердить заграничную командировку Вас. И. Немировича-Данченко, проливают свет на истинные причины решений Наркомпроса. Наркомпрос утвердил эту командировку «ввиду необходимости закончить порученную Петроградским отделением Государственного издательства В.И. Немировичу-Данченко работу — составление книги «Народные трибуны и мученики революции»³³, однако Особый отдел ВЧК отказал ему в разрешении на выезд. В недатированном письме в Особый отдел ВЧК Луначарский вполне открыто раскрывает настоящие причины поездки:

«<...> Конечно, главной причиной поездки за границу В.И. Немировича-Данченко является то, что в России он неминуемо и скоро умрет и притом умрет мучительно, ибо мы не в состоянии никоим образом обставить его так, чтобы этот больной старик мог жить нормально.

Отношение его к Советской власти вполне лояльно и никаких шагов против нас он за границей не предпримет и не может, да если бы предпринял, наконец, то это не имеет ровно никакого значения.

Уезжает он на свои собственные средства, и я считал бы проявлением неуместного в данном случае деспотизма задерживать несчастного старика в России.

Между тем, мне сообщают, что Особ<ый> отдел не разрешает ему выезд за границу.

Настойчиво прошу Особый отдел пересмотреть это решение. Задерживая его здесь, мы принесем его совершенно бесполезно в жертву, во-вторых, обременяем сами себя заботами о нем. Посылка же его за границу не стоит нам ни одной копейки и не может быть чревата абсолютно никакой опасностью. В случае же выполнения Немировичем, писателем очень опытным, данных ему поручений, мы будем иметь пару хороших книг»³⁴.

Таким образом, в большинстве случаев, в том числе и с Вяч. Ивановым, заграничная командировка понималась Луначарским как гуманитарный жест.

Впрочем, из письма Луначарского в ВЧК также следует, что вопрос о командировках за границу решал не один Наркомпрос. В случае утверждения командировки Коллегией Наркомпроса, соответственные запросы посылались в Наркомфин, Наркоминдел, Наркомздрав (если командировка служила и лечебным целям) и в Особый отдел ВЧК. Каждый из этих органов мог создать труднопреодолимые препятствия командировке, однако Луначарскому часто удавалось обойти их. Уже в марте 1920 г. Наркоминдел возразил против «участившихся в последнее время командировок за границу», обращая внимание других народных комиссаров на то, что, согласно правилам, «выезд из пределов РСФСР в порядке отдельных поездок за границу частного лица для частных надобностей не разрешается» и

что «уезжающие в заграничную командировку не могут брать с собой семьей»³⁵. Но, как видно на примере Иванова и других писателей, получить фиктивные поручения и специальное разрешение на выезд всей семьей было не очень трудно³⁶. Луначарский обходил даже возражения со стороны ВЧК. Например, 24 апреля Луначарский извещает Коллегию, что с выезда Иванова, Кусевецкого и профессоров Ф.И. Щербатского и Н.Я. Марра «со стороны Наркоминдел никаких препятствий не встречается, и обещана поддержка в получении Марром, Щербатским и В.И. Ивановым необходимой валюты»³⁷, но 29 апреля Луначарский докладывал Коллегии, что Особый отдел ВЧК предъявил возражения против командировки Кусевецкого. На заседании Общества любителей российской словесности 16 мая 1920 г. Бальмонт объявил, что «Особый отдел задерживает наш (т.е. Бальмонта и Иванова. — Р.Б.) отъезд»³⁸. Видимо, все эти сложности были устранены, и Бальмонт, вместе с семьей, выехал в Ревель одновременно с Кусевецким 25 июня 1920 г.³⁹

Иванов же еще задерживался в России⁴⁰. 19 или 20 июня Луначарский известил его о невозможности выдать ему конвертируемую валюту (царские знаки или золото), что, по его словам, «ставит Вашу поездку под весьма тяжелые условия»⁴¹. Помимо состояния здоровья Веры Константиновны Ивановой⁴², такие финансовые осложнения в какой-то мере объясняют, почему Иванов был вынужден откладывать отъезд, но при этом сама командировка оставалась в силе, и Иванов не прекращал общественную деятельность. В первой половине июля Иванов неоднократно участвует в публичных диспутах и чтениях⁴³.

Ситуация осложнилась еще больше к середине июля, когда В.И. Ленин отменил ряд уже запланированных командировок на основании дошедших до Москвы слухов (впоследствии не подтвердившихся) о нарушении Бальмонгом обещанной им политической лояльности. В число отмененных попала командировка Иванова. Узнав об этом, Иванов обращается к Н.К. Крупской:

18 июля 1920

Глубокоуважаемая Надежда Константиновна,

Прибегаю к Вашей помощи, не видя других путей к выходу из своего отчаянного положения и предполагая, что я не вовсе Вам неизвестен по своему соприкосновению с деятельностью Внешкольного Отдела. Я получил от Наркомпроса заграничную командировку с ученою целью и для исполнения поручений Наркомпроса (отчасти в связи с предполагаемым основанием в Италии, по предложению бывшего министра Торри, института русской литературы и искусства). Я готовился уже в ближайшие дни выехать за границу с большими членами моей семьи — женою в остром туберкулезе (бывшей сотрудницей Отдела по делам музеев), окончившею Гос. Консерваторию дочерью, сотрудницей Наркомпроса по Муз<ыкаль-пому> отделу и Отделу единой школы, страдающею туберкулезом легочных верхушек, и восьмилетним сыном, нуждающимся в климатическом лечении от бронхитоденита — род туберкулезного поражения. За мою безусловную положительную лояльность поручились хорошо знающие меня товарищи Луначарский, Карахан, Каменев. Внезапно Особый отдел В.Ч.К. отказал мне в визе заграничного паспорта, причем полуконфиденциально объяснил А.В. Луначарскому, в ответ на его энергичский запрос и про-

тест, что по категорическому предписанию Владимира Ильича выпуск за границу писателей и артистов прекращен до окончания войны вследствие политического поведения поэта Бальмонта в Ревеле, о чем имеется официальное телеграфическое сообщение т. Гуковского из Ревеля. Положение, для меня лично создавшееся, я выше назвал отчаянным по следующей причине. Жена моя так больна, что слабеет с каждым днем, и каждый день отнимает у нее остаток сил, необходимых для путешествия, в котором единственно можно усматривать некоторую надежду на ее спасение. У нее острый туберкулезный процесс с серьезными осложнениями в области желудка; температура каждый вечер поднимается выше 39 градусов; она питается только какао. Я устроил ее, в ожидании нашего отъезда, на даче. Ей необходимо лечение в хорошем лечебном заведении в горах, может быть — в Давосе или тому подобных курортах. О всем этом я могу представить медицинские свидетельства, напр. от д-ра Воробьева, который на днях приезжал к ней из Крюковского санатория. Ей 30 лет; до двадцатилетнего возраста жила она за границей и окончила гимназию в Женеве. Уже годами страдает она в России кишечною атонией в сильнейшей степени, не может правильно питаться, а за последние годы дошла до крайнего общего состояния. Ей индивидуально необходимы, независимо от климата, особые местные условия питания и физической жизни, ибо после Швейцарии и Италии она физически не может у нас акклиматизироваться. Теперь же она сгорает и тает на глазах у всех, только в ближайшие дни она еще способна подвергнуться трудностям путешествия, которое составляет вопрос жизни или смерти. Ужели выходы чуждого мне по всему жизнепониманию литературного коллеги должны отнять у меня последнюю надежду на спасение жены? Мне представляется это чудовищною случайностью, невероятным кошмаром. Я понимаю весь тактический смысл мероприятия, но сам являюсь случайною, неповинною и трагическою жертвою происшедшего. Знаю, что Бальмонт в последнее время неоднократно демонстрировал симпатии советской власти; мне чужда всякая демонстративность. Я умею держать данное слово. Меня знают. Моя деятельность с октября 1918 г. в различных отделах Наркомпроса у всех на глазах. Я, как писатель и мыслитель сложившийся, долгая жизнь которого ушла на выработку мирозерцания целостного, — органического, безусловно независимого и, надеюсь, самобытного, полагаю смысл своей культурно-общественной работы именно в независимости своего подхода к духовно-культурным проблемам революции (политикою в собственном значении этого слова я вообще не занимаюсь). Я не принадлежу и не могу принадлежать, по существу дела, ни к какой политической партии. Но каким духом проникнуты мои настоящие выступления на неполитических митингах и собраниях, лучше всего знают слушающие меня и соучаствующие. Пятнадцать лет работаю я в литературе и науке как последовательный поборник соборной, коллективистической эстетики, морали, жизни. Никакое участие в политических действиях за границей, ни даже просто в органах печати, имеющих определенную политическую окраску, лицам, сколько-нибудь меня знающим, ожидать от меня нельзя, и в этом поручаю мое торжественное обещание, которое дать мне легко, потому что оно выражает мое естественное, самопроизвольное отношение к нашей революции. Нашему строительству я могу быть за границей только полезен как живое доказательство того, что не все русские писатели одинаково мыслят и чув-

ствуют, и как некое скромное звено культурной связи между дружественными нам элементами Запада и нами.

Извините это длинное письмо и обращение к Вам по личному делу, не касающемуся в тесном смысле круга Вашей деятельности. Но Вы поймете сердцем его, если не уместность, то по крайней мере нравственную возможность. Дело идет, повторяю, о сохранении последней надежды на спасение жизни моей жены. Поговорите же, если Вы меня слышите, с Владимиром Ильичом, представьте ему мое личное дело в правильном освещении: я ходатайствую, во имя ценнейшего в моей личной жизни, об исключении, об изъятии меня из списка командированных было за границу и задержанных, об отпуске немедленно (каждый день здесь имеет решающее значение), об оказании мне особенного доверия, которого я не обману и ценность которого в моих глазах возрастает в меру его исключительности, о принятии в соображение особенных, необычайных мотивов, обуславливающих настоятельность моих просьб, какую я считаю себя нравственно обязанным проявить, как бы ни противоречили они моим навыкам, моему нраву. Извините же, глубокоуважаемая Надежда Константиновна, этот мой шаг, и, если возможно, мне помогите.

С истинным уважением

Вячеслав Иванов

Член Центр<альной> литер<атурной> коллегии и Заведующий Академ<ическим> П/Отделом и Лит<атурной> студией Лито Наркомпроса, член Центротейатра и Заведующий историко-театр<альной> Секцией Тео Наркомпроса.

3-й Неопалимовский пер. 5. Здравница
телефон 1-21-55⁴.

Письмо было переслано Крупской в ВЧК, которая, видимо, исполняла запрет Ленина на выезд писателей. Ответ из Особого отдела ВЧК гласит:

Мы полагаем, что Вячеславу Иванову нельзя дать заграничного паспорта по следующим соображениям:

1. Вяч. Иванов во всех своих официальных выступлениях (в деловых заседаниях, диспутах и т.д.) старается подчеркнуть свою аполитичность и защищает всегда независимость литературы и искусства от государственной власти — в то же самое время, в своих частных беседах с людьми его лагеря он достаточно резко высказывается противником коммунизма вообще и настоящего советского строя вообще.

2. Известно со слов самого Вяч. Иванова, что он запасся мандатом от группы профессоров⁴ или на тот случай, если та или иная страна его не впустит с советским паспортом, или для того, чтобы проехать с профессорским мандатом, таким образом себя не компрометируя перед европ<ейским> «общественным» мнением. Кроме того, этот мандат был выдан ему с той целью, чтобы он сообщил европ<ейскому> общ<ественному> мнению о положении ученых и литераторов в Советской России.

3. Советская власть уже дважды совершила опрометчивость в выдаче паспортов высшим представителям буржуазной литературы: а) она дала возможность выехать Мережковскому, Философову и Гиппиус и вести им в Варшаве яростную антибольшевистскую кампанию; б) Бальмонт, произнесший во Дворце Искусств революционную речь, чтобы облегчить себе выдачу паспорта, по приезде в Ревель дал интервью в буржуазные газеты,

в котором проявил свою бешеную ненависть к Советской власти. Тут же можно отметить, что так называемые корифеи русской буржуазной литературы почти не имеют исключения в подобном же вероломном отношении к Советской власти — укажем хотя бы на Бунина и Куприна.

24/VII.20 В. Мехжинский.

При сем письмо В. Иванова Н. К. Константиновне [Крупской]

В *Лечиться* его семья может или в наших санаториях, или на Кавказе, как *наши* ответственные работники. Кстати, в О«собыи» О«тдел» ни разу не поступало ходатайства от Л.М. Карахана, Л.Б. Каменева и др., чтобы предоставить возможность лечиться за границей хоть *одному* из десятков тысяч рабочих, страдающих туберкулезом или другой болезнью, нажитой во время гражданской войны. *A la longue* ⁴⁶ такая разница в отношении к буржуазии и рабочим может не только подорвать популярность отдельных тт., но и отразиться на отношении рабочих к коммунистической партии.

В.М. ⁴⁷

Несмотря на то, что поведение Бальмонта значится лишь как одна из причин этого отказа, наряду с поддержкой польского наступления со стороны Мережковских ⁴⁸ и идеологической нецелесообразностью писательских командировок вообще, Иванов и Белый, а вслед за ними и Луначарский и Горький видели в Бальмонте главного виновника неудачи, постигшей планируемые командировки. Поэтому следует остановиться на этом вопросе подробнее.

В документах, освещающих обсуждаемые командировки культурных деятелей, в том числе Бальмонта и Иванова, встречается формула: «Коллегия ручается за его политическую лояльность по отношению к Советской власти» ⁴⁹. Не обладая юридической силой, эта формула представляла собой выражение личного доверия Луначарского к командируемым им писателям, что они не опозорят его лично и Наркомпрос в глазах Наркоминдела и ВЧК, противившихся свободной раздаче командировок. Однако недовольство Наркоминдела и Особого отдела ВЧК щедростью Луначарского скоро переросло в открытое возмущение, когда появилось сообщение о якобы антисоветских заявлениях Бальмонта. В ответ на запрос Луначарского, 24 июля полномочный представитель Советской России в Эстонии И.Э. Гуковский объяснил: «Мне не известно ни о каких интервью, ни иных публичных выступлениях Бальмонта. Думаю, что таковых и не было, так как я не мог бы не знать о них, если бы были. Тем не менее я считаю, что те командировки, которые стали все чаще и чаще даваться Вами разным лицам из среды нашей интеллигенции, следует по возможности сократить и давать с возможной осторожностью. <...> Бальмонта с женою я случайно видел в виде просителя визы у здешнего немецкого представителя. Он был чрезвычайно жалок, хотя ничего предосудительно не говорил, но оба они, и муж, и жена, так униженно просили, так уверяли его, что разрешение на визу получится, что мне было стыдно за них и неловко перед бывшими случайно здесь плетью немецкими товарищами, ехавшими на конгресс III Интернационала» ⁵⁰.

В этой межведомственной борьбе Ленин оказался на стороне Наркоминдела, и отмена уже утвержденных командировок исходила непосредственно от него, о чем свидетельствует часть письма Луначарского к Ленину от 28 июля 1920 г., опущенная при публикации в 80-м томе «Литературного наследства»: «Пересылаю Вам копию с письма, посланного мне Гуковским

на мой запрос о том, что Бальмонт скомпрометировал себя с советской точки зрения. Это меня взволновало, тем более, что Вы дали распоряжение, о котором я упомянул в моем письме к Вам по поводу Арцыбашева, Особ<ому> отделу не пускать писателей и журналистов за границу. Между тем письмо Гуковского ясно свидетельствует, что, кроме подозрений, у него, Гуковского, решительно ничего нет против Бальмонта»⁵¹.

Далее Луначарский пишет Ленину, что «нерационально» задерживать Иванова, «которому заграничная поездка обещана давным-давно, у которого страшно больна жена и который много раз своей честью заверял, что ни в каком случае не уронит ни своего достоинства, ни достоинства выпустившей его Советской республики»⁵². Кроме того, в начале октября Луначарский публикует заметку, опровергающую слухи об «некорректном поведении» Бальмонта⁵³. Протест Луначарского не возымел никакого действия, и в 1920–1921 гг. после скандала с Бальмонтом писателям было чрезвычайно трудно получить разрешение на выезд, о чем красноречиво свидетельствует случай Блока, умершего в 1921 г. после многократных попыток уехать на лечение⁵⁴. Однако сам Луначарский (как и Горький) стал указывать на поведение Бальмонта, как на главную причину отмены командировок в 1920 г., лишь в ходе полемики с Бальмонтом и И.А. Бунинным по поводу Романа Роллана в 1928 г.⁵⁵

Иными словами, командировки были отменены вследствие целого комплекса причин, а слухи о поведении Бальмонта послужили правительству лишь предлогом для давно назревавшего решения. Приведенные ниже письма Иванова показывают, что с его точки зрения командировка была не столько отменена, сколько отложена, и что в этом сыграло роль не только поведение Бальмонта (или Мережковского и Гиппиус), но и такие факторы, как международное положение Советской России.

III. В КИСЛОВОДСКЕ И БАКУ

Запрет Ленина на заграничные командировки для писателей практически совпал со смертью Веры Константиновны, скончавшейся после изнурительной болезни 8 августа 1920 г. За несколько дней до этого Луначарский устроил Иванову новую командировку на Кавказ, якобы для содействия новым высшим учебным заведениям и местным отделениям Наркомпроса⁵⁶. Иванов с дочерью и сыном выехали из Москвы 28 августа в Кисловодск⁵⁷, откуда через два месяца последовали в Баку, где Иванов устроился профессором в новый Азербайджанский государственный университет⁵⁸.

12 августа 1920 г. Коллегия Наркомпроса вынесла следующее постановление: «11. а) Командировать В.И. Иванова на Северный Кавказ для ведения культурной работы по указанию местных Отделов научного образования и для содействия в деле организации Кубанского университета.

Срок командировки определяется в зависимости от хода работ.

Ассигновать В.И. Иванову на расходы по его пребыванию на Кавказе единовременно сумму в 300.000 р. (триста тысяч р.).

б) Прислать Народного комиссара здравоохранения поместить В.И. Иванова и больных членов его семьи в один из благоустроенных санаториев на Северном Кавказе (по возможности в Кисловодске) на срок по определению врачей.

в) Предложить Музыкальн<ому> отделу дать дочери В.И. Иванова Л.В. Ивановой как специалисту по музыкальному делу соответственное платное поручение»⁵⁹.

Уже за день до этого заседания, на третий день после смерти В.К. Ивановой, Наркомпрос начал рассылать необходимые запросы в другие государственные учреждения. 11 августа Луначарский направил в Владикавказский исполком следующее предписание: «На Кавказ направляется для лечения, а также для исполнения целого ряда культурных поручений Наркомпроса по Северному Кавказу известный писатель В.И. Иванов, постоянный сотрудник Наркомпроса. Очень прошу товарищей из Исполкома оказать ему всяческое содействие и дать ему нужные рекомендации в Кисловодске для того, чтобы и там он мог пользоваться постоянным и любезным покровительством представителей Советской Власти»⁶⁰.

Аналогичные письма были направлены в Наркомздрав, Наркомфин, МУЗО, к управляющему делами Наркомпроса З.Г. Гринбергу, а в Музей им. Бахрушина — о приеме библиотеки Иванова⁶¹. 13 августа Иванову выдали мандат следующего текста: «Сим удостоверяется, что тов. Вячеслав Иванович Иванов, член Центральной литературной коллегии и Заведующий Академическим подотделом и Литературной студией Лито Народного комиссариата по просвещению, проф. Смоленск<ого> университет<ета> командирован Коллегией народного комиссариата по просвещению в Кубанскую область. Кубанский областной отдел народного образования приглашается использовать тов. Иванова по соглашению с ним, как крупную культурную силу и ученого филолога для налаживания культурно-просветительной работы в Вашем крае при организации Кубанского университета в области гуманитарных и общественных знаний. Всем революционным, железнодорожным и военным властям предлагается оказывать тов. Иванову всяческое содействие в смысле предоставления возможности передвижения, помещения и проч., считаясь с тов. Ивановым, как с командиремым Коллегией народного комиссариата по просвещению»⁶².

Хотя в то время ряд лиц действительно ехал помогать в создании Кубанского университета, и Иванов действительно связался с местным отделением Наркомпроса и, возможно, даже выступал на наркомпросовских мероприятиях, командировка Иванова на Кубань скорее всего была чисто фиктивной. В любом случае подобная командировка была исключением; 13 августа Луначарский пишет управляющему делами Гринбергу: «Мне кажется, что было бы несправедливо озолотить В. Иванова и не дать ничего Белому, так как и он хлопотал уже с полгода о поездке за границу и задержан по тем же обстоятельствам <...>»⁶³.

Выехав в Кисловодск 28 августа 1920 г., Иванов продолжал держать Луначарского в курсе дел, как служебных, так и личных. Далее приводим полностью текст единственного выявленного письма Иванова к Луначарскому из Кисловодска, под которым в то время шли бои⁶⁴:

Кисловодск 2 окт. 1920

Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич,

Эвакуация, о которой я сообщил Вам в письме, направленном в Ростов и пересланным оттуда, как мне говорят, в Москву с надежным человеком, — не отменена, но производится в таком порядке, что больным предоставляется закончить курс лечения. Поэтому я остаюсь покамест в Ки-

словодске и участвую в делах Нар<одного> Университета. Тем не менее будущее — разумею: ближайшее будущее, — остается крайне неопределенным. Быть может, придется через несколько недель выехать в Баку. Опасность быть отрезанным от Москвы не исключена. Я писал Вам, как серьезны опасения, вызываемые во мне состоянием здоровья дочери и маленького сына. Нам настоятельно нужно было бы переехать на зиму в Грузию. Поэтому, несмотря на временное успокоение и затишье в Кисловодске, я повторяю мою просьбу: не откажите сделать возможное для Вас, чтобы мне был разрешен этот выезд — из центра ли или от краевых властей. Если же наши отношения с Италией складываются благоприятно для поездки туда нашей миссии, не забудьте о моей горячей просьбе присоединить меня к миссии. Знакомые итальянцы твердо надеялись, что «Studio della civiltà slave» будет существовать с осени! Пришлите мне несколько строк, чтобы я знал, а *quoï m'en tenir*⁶⁵. Слышу, что университет в Екатериндаре уже открыт, и собираюсь предпринять туда поездку; но железнодорожные сообщения в настоящее время до крайности затруднены, и тревожность общего положения запрещает оставить дочь и сына одних здесь. Приходится выжидать благоприятного случая.

С сердечным приветом

всецело преданный Вам Вяч. Иванов

1-й Сов. Санаторий, Ребровая ул. 4, к. 8

Назначил публ. лекцию (от Внешкольного Отдела нар. обр.) на тему: «Зачем мы ходим в театр?»⁶⁶.

Здесь интересна не столько вновь упомянутая «Студия славянской культуры», сколько указание, что Иванов продолжает надеяться на выезд за границу при улучшении советско-итальянских отношений.

Ситуация в Кисловодске стабилизировалась, пути сообщения открылись, и в начале ноября Ивановы выехали в Баку, где 19 ноября Иванов избран был ординарным профессором⁶⁷. Баку отнюдь не был идеальным местом для Иванова. Василий Сахновский, командированный в Баку в это же время, писал Луначарскому: «Самое главное, что хотел написать Вам, здесь болото, полное непонимание и никто не любит искусства»⁶⁸. К тому же в новом университете хронически не хватало книг, о чем Иванов сетовал чуть не в каждом письме, посланном из Баку в центральные государственные учреждения. Зато это был излюбленный Ивановым юг, здесь постепенно собрался неплохой профессорский и студенческий коллектив, изредка появлялись в Баку знакомые писатели⁶⁹, и в письмах в столицу, несмотря на жалобы на бытовые невзгоды и на попытки добиться нового рассмотрения дела о заграничной командировке, Иванов неизменно выражает свою удовлетворенность сложившейся ситуацией.

В первом из числа выявленных писем Иванова из Баку в Москву⁷⁰ уже звучат ставшие потом привычными мотивы этого периода: просьбы оказать помощь бакинскому коллеге или ученику, советования об отсутствии книг, надежды на возобновление командировки.

Баку, гос. Университет

11 апреля 1921

Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич,

Позвольте мне с своей стороны горячо поддержать просьбу моего почтенного коллеги по Бакинскому Гос. Университету, проф. В.В. Сиповско-

го, и просить Вас вникнуть в его дело. Ему, как научному работнику, нужно спасти для своей ученой работы и уберечь от раздробления свою специальную библиотеку, оставшуюся в Царском Селе. Если она уже бесспорно национализирована, нельзя ли поступить по желанию проф. Сиповского? Направленная сюда, она оказала бы университету огромную пользу: мы сидим здесь без книг, и я уже имел однажды случай писать Вам из Баку об этой жгучей потребности здешнего госуд<арственного> университета, вообще превосходно налаженного и плодотворно работающего.

Уверенный, и при отсутствии всяких знаков, могущих меня обнадеживать, что Вы не могли забыть Ваше обещание помочь мне осуществить ту заграничную командировку, что была сведена на нет волею роковых случайностей, — позволяю себе и при этом случае повторить все то же *μεντησο Αθηναίων* ⁷¹!

Истинно уважающий и душевно преданный Вам
Вячеслав Иванов ⁷².

Возможно, надежды Иванова на возобновление командировки были поддержаны отъездом за границу А. Белого, М. Горького и других осенью 1921 г. ⁷³, а также советско-итальянскими переговорами, приведенными к предварительному торговому соглашению 26 декабря того же года. В апреле 1922 г. Иванов просит Азербайджанский государственный университет выдать ему командировку на год в Италию и Германию ⁷⁴. 6 июля он пишет академику С.Ф. Ольденбургу о содействии в получении « годового отпуска для работ по Эскилу и греческой религии»: « Мне было бы важно подтвердить мое и университетское ходатайство командировкою от Академии наук, от коей мне желательно было бы получить возобновление прежней командировки, ибо предыдущая не могла быть использована » ⁷⁵. С той же целью он пишет 18 июля П.Н. Сакулину: « С благодарным чувством вспоминаю наше постоянное общение перед моим отъездом в Баку, и прошу Вас в свою очередь не забывать меня вовсе. Как провожали Вы меня за границу! И как все иначе обернулось! Пресловутая заграничная командировка и теперь на очереди: ее обещают мне здесь вот уже два года, но вся задержка ныне в бедности здешней казны, и, кажется, наши университетские командировки, в принципе принятые, не состоятся из-за невозможности достать на них денег » ⁷⁶.

По записи М.С. Альтмана от 19 октября 1922 г. Луначарский « совету-ет ему <Иванову> приехать в Москву <...>. В. <Иванов> собирается в Москву, чтоб оттуда выехать в Германию » ⁷⁷. Но в 1923 г. (возможно, в связи с приходом к власти Муссолини 30 октября 1922 г.) тема о заграничной командировке отходит на второй план. 14 января Иванов пишет П.Н. Сакулину ⁷⁸, выражая свое удивление низким уровнем занятий в Московском университете: « <...> пока у нас, по-моему и по-нашему, ей-Богу лучше чем у вас, в мировой столице » ⁷⁹.

12 июля 1923 г. Иванов пишет П.С. Когану в том же духе: « Нередко вспоминаю я с теплым чувством нашу совместную работу и постоянное общение, когда я увидел Вас и полюбил. И теперь московские студенты (муж и жена Баскаковых и Стрельникова), посетившие меня в качестве « делегации », как они себя наименовали, от Лит<ературного> института, сказали мне, что Вы и Валерий Яковлевич настоятельно зовете меня в Москву. Москвичи уже давно зовут меня к родным Пенатам, но я не могу по-

следовать дружному, доброжелательному призыву. Мне нужен юг, и прямо необходим он семье моей (дочери и сыну). На юге, на нашей Мадридской широте, мне хорошо, — «и вреден Север для меня», в буквальном смысле. Работа, здесь мною производимая, не излишняя, не случайная работа. Русская культура здесь нужна для России; мы ворота Востока. Наш университет налажен и энергичен, только книг у нас мало»⁶⁰.

О том, кем и когда Иванов был приглашен в Москву на пушкинские торжества 28 мая 1924 г., пока что ничего нельзя сказать определенно⁶¹. Также ничего достоверно не известно о том, как и благодаря кому Иванов получил новую заграничную командировку. Так или иначе, уже до отъезда в Москву Иванов полагает, что он сумеет уехать, добившись наконец от университета годовой командировки с сохранением содержания⁶². Установление дипломатических отношений СССР с Италией и с Великобританией в начале февраля 1924 г. могло уверить Иванова в осуществимости его давно лелеяемой мечты. Во всяком случае, по свидетельству М.О. Гершензона, в Москву Иванов «приехал с целью выхлопотать себе командировку с содержанием, и наверное получит ее; тогда осенью уедет с Лидией и Димой»⁶³. В самом деле, Ивановым выдали паспорта и «хорошее содержание»⁶⁴ в срочном порядке, дети прибыли в Москву, ликвидировав имущество в Баку, и Ивановы выехали из Советской России ровно через четыре года после отъезда из Москвы в Кисловодск — 28 августа 1924 г.⁶⁵

IV ОТЪЕЗД В РИМ В 1924 г.

Если перечислить все поручения, данные разными учреждениями или упомянутые в разных источниках об эмиграции Иванова в 1924 г., то нетрудно убедиться в том, что и эта командировка была в значительной степени фиктивной. Иванову предстояло работать над переводами Эсхила и Данта, исследовать греческую религию и трагедию, представлять Советский Союз на международном фестивале Бьеннале в Венеции и участвовать в создании Русского института археологии, истории и искусствоведения при Государственной академии художественных наук, возглавляемой П.С. Коганом. При этом, согласно М. О. Гершензону, «устроила» командировку О.Д. Каменева, которая к тому времени не имела отношения ни к одному из учреждений, давших Иванову поручения, хотя как глава Всесоюзного общества по культурным связям с заграницей могла, по видимому, содействовать его отъезду⁶⁶. Из публикуемых и цитируемых ниже писем следует, что Иванову первоначально выдали командировку с содержанием на три месяца (с конца августа по конец ноября), после чего ему было обещано продление командировки.

Е.А. Миллиор, ученица Иванова в Баку, утверждает, что «В.И., уезжая в Москву, а затем в Италию, не был убежден, что он там задержится»⁶⁷. Однако он не был уверен и в том, вернется ли в Россию. В письмах Иванов часто упоминает о предстоящем возвращении в СССР после окончания срока командировки, но в то же время, внимательно следя за событиями в Москве и Баку, находит множество факторов, препятствующих возвращению. Иванов не отказывается от материальной помощи со стороны советских учреждений, но и не связывает свою судьбу с ними окончательно. В этой обстановке отчетливо обнаруживается некое противостояние

между Наркомпросом, продолжавшим поддерживать Иванова, и Наркоминделом, препятствующим продлению командировки и замене ее другими формами государственной поддержки.

Из всех поручений, данных Иванову в предшествующие отъезду месяцы, особняком стоит участие в XIV Венецианской международной художественной выставке. В Наркомпросе вопрос о советском представительстве на этом фестивале возник в феврале 1924 г., когда организация советского павильона была поручена П.С. Когану и ГАХН. Тогда был определен первоначальный список советских участников, среди которых Иванов не значился⁸⁸. К 1924 г. порядок выдачи заграничных командировок заметно осложнился. Обсуждалось новое Положение о Комиссии по заграничным поездкам при Наркомпросе, которое и было утверждено 29 апреля⁸⁹. В отсутствие Ленина все большую роль играло мнение ОГПУ. 9 апреля Луначарский послал в ОГПУ запрос о содействии в получении паспортов и виз участниками, среди которых имя Иванова опять же отсутствует. Настроение Луначарского несколько выдает его просьба «вез всяких проволочек дать им возможность выехать» на выставку⁹⁰. Учитывая осложненный порядок выдачи заграничных командировок и упорство, с которым Луначарский и Коган добивались разрешения для первоначального состава советской делегации, трудно представить, что можно было включить в список в последний момент «без всяких проволочек» и других людей. 20 мая, т.е. за неделю до приезда Иванова в Москву, П.С. Коган уже уезжает в Рим⁹¹. Впрочем, нам не удалось выявить никаких упоминаний имени Иванова среди членов предполагаемой делегации. Иванов сам довольно халатно отнесся к этому поручению, приехав на выставку лишь в самый последний день⁹².

Зато по приезде в Рим в сентябре 1924 г. Иванов добросовестно взялся за организацию Русского института, сообщая Луначарскому и Когану о ходе переговоров с послом СССР в Риме⁹³. 21 октября 1924 г. Иванов посылает Когану пространное письмо о своем положении, которое приведем полностью:

Roma 172 via Quattro Fontane, 30 p (presso Placidi)
21/X 1924

Дорогой Петр Семенович,

В последней из трех моих докладных записок, посланных отсюда через посольство, я особенно прошу Анатолия Васильевича <Луначарского> ознакомить с их содержанием Вас, как лицо, вместе со мною возбудившее вопрос, о котором в них идет речь. Поэтому позволительно предположить, что Вы в курсе дела и достаточно осведомлены о результате как этих моих обращений, так и направленных в Москву заявлений нашего представительства. Что касается отношения этого последнего к нашему проекту — я, несмотря на одобрение замысла в его «идее», не вынес впечатления действительного сочувствия попыткам его осуществления. Кажется, что я лично не кажусь представительству лицом, желательным или достаточно компетентным для направления этого дела. Как бы то ни было, я рассчитываю на Вашу дальнейшую поддержку в этом прекрасном и полезном начинании. Моя личность не играет в судьбах его никакой роли: повторяю, что лично я был бы весьма доволен простым причислением к составу института с самым скромным *emproi*⁹⁴, соответствующим кругу моих заня-

тий. Буду Вам очень благодарен, если Вы напишете мне, что думает обо всем этом центр и намерен ли что-нибудь предпринять. Независимо от этих перспектив, надеюсь я на получение командировочной субсидии (дополнительной), которая была мне определено обещана и А.В. <Луначарским>, и Комиссией заграничных командировок и в которой крайне нуждаюсь.

С другой стороны, я поставил себя в распоряжение представительства на тот случай, если оно пожелает воспользоваться моим пребыванием в Риме для каких-либо действий в целях культурного сближения. Мне было предложено не вступать лично и частно ни в какие отношения с итальянцами, в частности с Istituto per l'Europa orientale⁹⁵, так как представительство имеет в виду само устроить наше первое знакомство. Охотно идя навстречу этому предложению, я чувствую себя однако в некоторой мере стесненным, выдерживая как бы некое incognito, когда о моем приезде уже осведомлены лица, коих он может интересовать, возникает отсюда и довольно ощутительное неудобство для моих частных дел. Посмотрим, к какому результату приведет эта выжидательная тактика «в ноябре»: боюсь, что, при отсутствии, по-видимому, какого бы то ни было определенного плана, — ровно ни к чему.

Итак, я сижу, тишайшим образом, в нанятых мною мебл<ированных> комнатах, посещаю для своих научных целей Германский Археолог<ический> Институт и Biblioteca Nazionale и, ничем не заявляя о своем скромном существовании, наслаждаюсь втихомолку солнцем, кипарисами, фонтанами и всем великолепием вечного города — и надеюсь на великие и богатые милости deae Fortunae⁹⁶, вмешательство коей настоятельно необходимо для того, чтобы не оправдались предсказания любезного М.С. Шефтеля, который обещал мне свое полное содействие при неизбежно предстоящем мне в декабре, за истощением моих средств, отъезде в Россию:

Вчера получил я, в частном письме, известие о смерти Валерия Брюсова. Не могу, зная строгую точность своего корреспондента, сомневаться в том, что это правда. Событие, совершенно для меня неожиданное, негаданное, глубоко меня потрясло. Как мало осталось нас, прежних символистов и... «И мнится, очередь за мной»... Жаль Валерия.

Что же, Вы не приедете в Италию?.. Грустно.

Душевно преданный Вам и глубоко Вас уважающий Вячеслав Иванов⁹⁷.

В письме от 13 февраля 1925 г. Луначарский сообщает Иванову, что учреждение Русского института отложено по бюджетным соображениям до следующего года, и Русский институт больше не упоминается в их переписке⁹⁸.

С начала 1925 г. Иванов всецело переключается на собственные литературно-переводческие и научные занятия, а его командировка полностью утрачивает условный характер научно-просветительской миссии. Уже 27 января 1925 г. он пишет Ал. Чеботаревской: «В Баку, должно быть, не вернусь, потому что детям необходимо продолжать их дело здесь <...> а покинуть их и одному читать лекции в Баку, коих, после реорганизации факультета в педфак, будет мало, не расчет»⁹⁹. 18 марта 1926 г. Иванов переходит в католичество, что весьма осложнило бы возвращение в СССР. При этом материальные условия его жизни не улучшались. Хотя дочь поступила в консерваторию, сын Димитрий вскоре заболел туберкулезом, и Иванов вынужден был содержать его в швейцарских санаториях¹⁰⁰.

Осенью 1926 г., после неудачных попыток устроиться в университеты Каира (Египет) и Кордовы (Аргентина), Иванов получил приглашение в Колледж Борромео при Павийском университете, но и это место не давало необходимых средств. В описании Б.Н. Терновца, участника Венецианской выставки 1924 г.: «Отсутствие заработка заставило его взять себе место учителя иностранных языков в здешнем Collegio, причем, очевидно, его должность не столько приближается к должности профессора, сколько к должности «дядьки». Положение его малозавидное, если говорить по существу, но вполне приемлемое, если учесть все обстоятельства — невозможность постоянного заработка в Италии и т. п. Кроме жалованья, Иванов пользуется еще помещением и столом; за эти два года он поправился, потолстел и постарел»¹⁰¹.

По истечению каждого нового срока командировки, — 24 июня 1925 г.¹⁰², 1 мая 1926 г., 5 сентября 1928 г.¹⁰³, 2 сентября 1929¹⁰⁴ — Иванов писал заявления в Наркомпрос о ее продлении. 22 апреля 1925 г. Коллегия Наркомпроса отказала Иванову в продлении командировки «за счет Наркомпроса»¹⁰⁵, но, видимо, вскоре после этого Коган устроил Иванову содержание из Цекубу. 8 сентября 1926 г. Иванов пишет Когану: «Я хорошо помню, как Вы навещали меня в Риме и беседовали со мной в той же комнате, в которой я пишу эти строки, — о самостоятельности основания проектируемого нами римского археологич<еского> института и о Вашей надежде выхлопотать для меня из Цекубу академическое содержание. Последнее по сей день с тех пор составляет материальную базу моего с семьей существования за границей, — без нее не знаю, что с нами было бы»¹⁰⁶. 16 марта 1927 г. он вновь пишет заявление в Цекубу о сохранении «такового средства к существованию», мотивируя свое ходатайство своим «посильным вкладом в дело ознакомления Италии с путями и достижениями русской мысли»¹⁰⁷. Продлению государственного обеспечения помогли юбилейные почести со стороны советских академических организаций: весной 1926 г. Иванов получил адрес от Ленинградского государственного университета по случаю его 60-летия¹⁰⁸, а 3 декабря 1926 г. был принят в число членов-кандидатов ГАХН¹⁰⁹.

Насколько известно, Иванов все еще получал академическое содержание в апреле 1928 г., когда написал Когану о возможности получить персональную пенсию от ГАХН:

Рим, 7 апреля 1928

Глубокоуважаемый и дорогой Петр Семенович,

Вы лично и Академия художественных наук всегда относились к моей литературной и научной деятельности с добрым и лестным для меня вниманием. Тот факт, что Академия взяла на себя издание моего перевода Эсхиловой «Орестей», служит объективным подтверждением ее интереса к моим трудам. С благодарностью вспоминаю и неоднократно проявленное Вами действительное участие к моему положению, хорошо Вам известно: еще год тому назад Вы навестили меня в Павии и были великодушно заинтересованы условиями моей жизни и работы. За этот год обстоятельства неблагоприятно изменились для меня вследствие болезни моего мальчика, который принужден теперь жить по санаториям, тяжело и опасно заболел легочным туберкулезом. То, что год тому назад представлялось желанным облегчением тяжелых материальных условий моего существования, — я говорю о надежде исходатайствовать пенсию, — сделалась теперь

насуточно, крайнюю нуждою. Я был бы Вам глубоко признателен, бесконечно обязан, если бы Вы нашли возможность дать этому делу надлежащий ход и содействовать его успеху. Как ни тяжело говорить мне об этом, как ни боюсь показаться неделикатным или притязательным, привлекая внимание к моей долголетней литературной и научной деятельности, — необходимость принуждает меня обратиться к Вам с этою прямою просьбой.

С сердечным приветом и в надежде на возможное свидание за время Вашего пребывания в Италии, глубоко уважающий Вас и искренно Вам преданный

Вячеслав Иванов

Адрес: Collegio Borgomeo Pavia ¹⁰.

8 апреля 1928 г. Иванов послал аналогичное письмо А.В. Луначарскому, где писал в частности: «Я был бы обязан Вам глубочайшею благодарностью, если бы, принимая в соображение мою долголетнюю (мне исполнилось 62 года) литературную и научную деятельность, — какова бы она ни была, в конечном итоге, по своей ценности и результатам для нашей культуры (сам я отнюдь не склонен преувеличивать ее значения), Вы признали возможным возбудить дело об ходатайствовании мне персональной пенсии» ¹¹.

Пересылая Луначарскому письмо Иванова от 8 апреля вместе с биографическими сведениями, удостоверением Цекубу и удостоверением врача о болезни Д.В. Иванова, Коган комментирует, что он «горячо поддерживает» его ходатайство. На заседании Коллегии Наркомпроса от 23 июля 1928 г. постановили «поручить тов. Яковлевой запросить по этому поводу Полпреда СССР в Италии тов. Курского» ¹². В секретном запросе замнаркома В.Н. Яковлева особо отметила, что «то обстоятельство, что Вячеслав Иванов живет за границей и не собирается выехать в СССР, чрезвычайно затрудняет дело о возбуждении ходатайства о персональной пенсии, ибо это значило бы доставлять ему пенсию валютой, а это последнее обстоятельство всегда служит причиной отказа в пенсии» ¹³. В своем ответе от 25 сентября 1928 г. Курский пишет, что Иванов «поддерживал некоторые связи с т. Керженцевым, но последние два года утратил связи с Полпредством и ничем себя как гражданин СССР не проявил. Насколько мне известно и в итальянской печати не появилось его статей в защиту СССР. Считаю целесообразным поддерживать его просьбу перед Правительством» ¹⁴.

Роль самого Луначарского в решении этого вопроса не ясна; выявлены лишь его пометки на цитируемых здесь документах, гласящие: «Т. Когану: прошу поговорить со мною об этом»; «Сообщить все это дело т. Когану, который пусть поговорит со мною» ¹⁵. Вопрос снова поднимался в 1929 г., когда Коган получил письмо от Горького, поддержавшего ходатайства Иванова. Пересылая письмо Луначарскому, Коган добавил: «Мне кажется, что ему следовало бы дать персональную пенсию» ¹⁶.

Персональная пенсия не была дана, а Комиссия по научным заграничным командировкам при Наркомпросе РСФСР отказала Иванову в продлении командировки в постановлении от 16 ноября 1929 г. ¹⁷ В дальнейшем, судя по известным нам документам, у Иванова не было непосредственных контактов с учреждениями, с которыми он был связан в течение десяти лет ¹⁸. Таким образом закончилось «постоянное и любезное покровительство» советского правительства, и Вяч. Иванов постепенно перешел всецело на положение эмигранта ¹⁹.

Примечания

- 1 *Иванов В.И.* Собр. соч. Брюссель, 1971—1984. Т. 3. С. 852 (далее ссылки на это издание даются в следующей форме: СС III 852); *Иванова Л.В.* Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С. 125; Письмо Борису Зайцеву о смерти Г. Чулкова / Публ. Ж. Шерона // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 291. Дешарт [Шор] О. Введение // СС I 173.
- 2 См.: *Иванова Л.В.* Указ. соч.; *Мануйлов В.М.* О Вячеславе Иванове // *Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 342—360; *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995; *Миллиор Е.А.* Из дневников Е.А. Миллиор 1921—1922 гг. // Вестник Удмуртского университета. 1995. Специальный выпуск. С. 8—10; *Миллиор Е.А.* Беседы философские и не философские // Там же. С. 11—28; *D'Ivanov à Neuvecelle. Entretiens avec Jean Neuvecelle recueillis par Raphaël Aubert et Urs Gfeller. Preface de Georges Nivat. Montricher (Suisse) 1996* (воспоминания Д.В. Иванова); Из дарственных надписей В.И. Иванова / Публ. И.В. Корецкой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М. 1996. С. 148—150. Исключением являются записи Ф.И. Коган на занятиях поэтикой у В.И. Иванова в 1920 г. (ИМЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 5; РГАЛИ. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 33), частично опубликованные: Лит. наследство. Т. 92, кн. 3. М., 1982. С. 496—497, 502, 507 (далее это издание цитируется как: ЛН 92).
- 3 См. *Котрелев Н.В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1968. Вып. 209. С. 326—339; *Зубарев Л.Д.* Вячеслав Иванов и театральная реформа первых послевоенных лет // Начало. Сборник работ молодых ученых. Вып. IV. М., 1998. С. 184—216; *Malcovati Fausto.* Vjaceslav Ivanov e il Vestnik teatra (1919—1920) // Europa orientalis. 1993. XII. 2. Важные сведения почерпнуты нами из неопубликованной диссертации А.Е. Климова: *Klimoff A.* Dionysus Tamed: The Late Poetry of Viacheslav Ivanov. Unpublished Dissertation. Yale University, 1976. Можно только сожалеть, что до сих пор не напечатан полный текст написанной в Баку и не раз прочитанной автором в Москве в 1924 г. музыкальной трагикомедии «Любовь — мираж?» (РГАЛИ. Ф. 130. Оп. 1. Ед. хр. 100), которая во многом является сатирой на политическую ситуацию в начале 1920-х гг.; отрывки напечатаны в: *Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 117—119; *Гаспаров М.Л.* Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М., 1993. С. 195—196. Горький отказался печатать «Любовь — мираж?» в журнале «Беседа» «из приетета»; см.: ИРЛИ. Ф. 189. № 92. Л. 47—47об.
- 4 *Колеров М.А.* Лига русской культуры в Москве (1917) // De visu. 1993. № 9. С. 55—57; *Тахо-Годи Е., Троицкий В.* «Духовная Русь» — неосуществленная религиозно-национально-философская серия // Вестник РХД. 1996. № 176; *Обатнин Г.В.* Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революции 1917 года // Русская литература. 1997. № 2. С. 227—228. Об отношении Иванова к революции в первой половине 1918 г. см.: *Алянский С.М.* Встречи с Александром Блоком. М., 1960. С. 54—59. Отношение Иванова к Советской власти находит интересное отражение в его орфографии: будучи принципиальным противником новой орфографии (в 1919 г. он даже просил особое разрешение напечатать свои произведения по старой орфографии; ИРЛИ. Ф. 607. № 208), в своих письмах Луначарскому и другим лицам Иванов все же пользуется (более или менее последовательно) новой орфографией.
- 5 *Шишкин А.Б.* Симпозион на петербургской башне // Русские пиры. СПб., 1998. С. 325.
- 6 Ср. *Котрелев Н.В.* Указ. соч. С. 327. О деятельности Иванова в Наркомпросе см. также: *Fitzpatrick Sheila.* The Commissariat of Enlightenment: Soviet organization of education and the arts under Lunacharsky (October 1917—1921). Cambridge 1970. P. 136—145.
- 7 *Зубарев Л.Д.* Указ. соч. С. 190. О.Д. Каменева (1883—1941), жена Л.Б. Каменева, до июля 1919 г. возглавляла ТЕО, а потом возглавляла Московский отдел

- народного образования и, с 1923, Всесоюзное общество культурных связей с границей. По ее уходе из ТЕО Иванов посвятил ей сонет (4 августа 1919 г.; опублик.: *Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 80–81). О реакции Блока на это стихотворение см.: ЛН 92. Кн. 2. С. 340.
- 8 Там же. С. 190, 205–7.
  - 9 Три неизданных рецензии. Публ. К.Ю. Постоутенко // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 246; ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 384. Л. 54. По документу от 24 мая 1920 г. Иванов получал 7.200 рублей в месяц в ЛИТО (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 416. Л. 5; см. также Оп. 22. Д. 42. Л. 106.). В Центральной коллегии ЛИТО состояли также П.Н. Сакулин и М.О. Гершензон (ГАРФ. Ф. 2306. Оп.1. Д. 384. Л. 54).
  - 10 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 9. Д. 314. Л. 306. Согласно этому документу, датированному 5 августа 1919, Иванов получал 100 рублей за заседание, 25% авторского гонорара «с рецензии, проход<ившей> через руки редактора» и «с материала, поступившего для напечатания в Научных Известиях», за рецензии – 1.500 рублей за печатный лист, и надбавку в размере 50% за рецензирование «рукописей или книг, недавно вышедших на иностранных языках» (там же). Подобный документ, помеченный 4 октября [1919], демонстрирует уже иные расценки, повышенные с учетом инфляции (Там же. Л. 80–80об.). Рецензии Иванова на работы, присланные в «Научные известия», представлены в упомянутой в примеч. 9 публикации К.Ю. Постоутенко.
  - 11 ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 353. Л. 14, 17. П.С. Коган (1872–1932) – историк литературы и критик, с 1921 г. – президент Государственной академии художественных наук. Хотя он и покровительствовал Иванову, но в 1920-х гг. не раз достаточно резко высказывался об Иванове в своих критических работах; см. напр.: Печать и революция. 1922. № 2. С. 157–163; № 3. С. 223–225; № 8. С. 209–209; *Коган П.С.* Литература этих лет: 1917–1923. Иваново-Вознесенск, 1924. С. 32–33, 49.
  - 12 Рядом с именем В.И. Иванова в списке членов Центральной коллегии ЛИТО записано: «Запросить Отдел ТЕО о положении В.И. Иванова» (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 5; документ датируется 24 мая 1920 г.).
  - 13 РГБ. Ф. 109. К. 4. Ед. хр. 25.
  - 14 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 384. Л. 43. Ср.: Вестник театра. 1919. № 12. 14–16 марта. С. 6.
  - 15 *Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 78–81. См. анкету Л.В. Ивановой; ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 25. Д. 65.
  - 16 *Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 80–81. В.К. Иванова подала прошение на место в Отделе по делам музеев и охране памятников искусства 20 сентября 1918 г., и тогда же была зачислена как «сотрудник со специальными знаниями» в 1-й подотдел Центральные музеев, возглавляемый П.П. Муратовым, где в круг ее обязанностей входила «работа по регистрации, собиранию и осмотру коллекций и предметов искусства для вновь организуемых музеев и пополнения существующих» (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 28. Д. 42. Л. 87–88; Ф. 2306. Оп. 28. Д. 38. Л. 7об.–8). Кроме В.К. Ивановой и Муратова, здесь работали Б.Н. Терновец и С.В. Шервинский. 14 июля 1919 г. В.К. Иванова попросила по состоянию здоровья двухнедельный отпуск (в санатории «Серебряный бор»; бывш. «Габай») для себя и своего пятилетнего сына. 2 сентября она попросила продлить отпуск ещё на две недели (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 28. Д. 42. Л. 89, 93). В медицинской справке из санатория указан ее диагноз – «катар толстых кишек» (Там же. Л. 92).
  - 17 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 384. Л. 52 (документ от 20 февраля 1920 г.).
  - 18 ИРЛИ. Ф. 94. Д. 74. Л. 3.
  - 19 Помимо указанных выше работ, см., напр.: *Гречанинов А.Т.* Академия неугомонных // Моя жизнь. Нью-Йорк, 1951. С. 128–130.

- 20 См.: *Обатнин Г.В.* Указ. соч.; *Зубарев Л.Д.* Указ. соч. С. 186–188; *Зубарев Л.Д.* Вячеслав Иванов в Театральном отделе Наркомпроса // *Русская филология*. 8. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 1997. С. 127–133.
- 21 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 318. Л.109об. (ср.: Д. 320. Л. 62об.; Д. 328. Л. 160). О роли Луначарского см.: *Fitzpatrick Sheila*. Op. cit. P. 131–132, 345.
- 22 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 318. Л. 109об.
- 23 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 321. Л. 133.
- 24 Неизвестное письмо Вяч. Ив. Иванова академику С.Ф. Ольденбургу / Публ. Г. Бонгард-Левина // *Новое литературное обозрение*. 1994. № 10. С. 255. Аналогичным образом характеризуется командировка в обращении Иванова в Общество любителей российской словесности от 12 мая 1920 г. На основе этого обращения Общество выдало Иванову рекомендательное письмо; см.: *Котрелев Н.В.* Вячеслав Иванов – член Общества любителей российской словесности // *Europa orientalis*. 1993. XII. 2. С. 330, 335. О работе Иванова над Эсхилом и Данте см.: *Котрелев Н.В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // *Эсхил. Трагедии*. М., 1989. С. 497–522; *Davidson Pamela*. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's perception of Dante. Cambridge, 1989. С. 261–273; *Шишкин А.Б.* Из римского архива Вячеслава Иванова // *Archivio italo-russo*. Русско-итальянский архив. I. Trento, 1997. С. 547–548 (договор об издании «Божественной комедии» от 14 мая 1920 г.).
- 25 См. публикуемые ниже письма. Можно отметить, что летом 1920 г. Иванов выступал вместе с Брюсовым и Фриче на официальной встрече с итальянскими журналистами; см.: *Итальянские гости в Доме Печати* // *Известия*. 1920. № 134. 22 июня. С. 3.
- 26 См. письмо В.И. Ленину от 19 июля 1920 г. (ГАРФ. Ф. 2306. Д. 398. Л. 59). Луначарский, комментируя «обывательски-брезгливое» отношение Арцыбашева, писал Ленину 22 июля 1920 г., что не считает себя «вправе палец об палец ударить для того, чтобы облегчить его отъезд за границу» (Лит. наследство. Т. 80. М., 1970. С. 207; далее в примечаниях – ЛН 80). С другой стороны, через несколько дней Луначарский просит Ленина выпустить хотя бы Арцыбашева и Иванова (Там же. С. 207–208). В итоге Арцыбашев эмигрировал в августе 1923 г.
- 27 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 318. Л. 22об.
- 28 Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и комм. А.В. Лаврова и Джона Мальмстеда. СПб., 1998. С. 192–193, 208–209 («Луначарский дает командировку: Она – дана уже»). Ср. письмо Ал. Чеботаревской своей сестре Ан. Чеботаревской от 20 марта 1920 г.: «О выезде за границу я слышала, что здесь хлопотали и получили разрешение выехать А. Белый (первый по счету), затем подали заявления ваш питерский Браун (приезжал сам в Москву) и наш Вяч. Иванов. <...> Сейчас, однако, В. Иванов смотрит пессимистически на возможность продвинуться дальше из-за событий в Германии, через которую трудно, очевидно, сейчас пробираться иностранцам» (ИРЛИ. Ф. 189. Доп. поступления. Л. 20об.–21; частично опубл. в: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 211).
- 29 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 318. Л. 172об. См. также фрагмент докладной записки Гершензона: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 398. Л. 76.
- 30 Там же. Докладные записки Бальмонта и Кусевникова не обнаружены. См. о Кусевникове: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 321. Л. 261об.; о Бальмонте: Там же. Л. 260–260об.
- 31 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 319. Л. 22. Об отношениях Бальмонта и Луначарского см.: *Пяшнев Н. А.В.* Луначарский о Бальмонте // *Рус. литература*. 1966. № 1. С. 189–192.
- 32 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 319. Л. 1. 8 октября 1920 г. Коллегия Наркомпроса постановила: «Сообщить в Наркоминдел, что к выезду писателя Ф. Сологуба и

- Ан. Чеботаревской со стороны Коллегии Наркомпроса препятствий не встречается» (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 319. Л. 164). Но они так и не уехали, и в сентябре 1921 г. Чеботаревская покончила с собой. См. также: *Лауров А.В.* Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская // *Неизданный Федор Сологуб: Стихи. Документы. Мемуары.* М., 1997. С. 299–300; «Шипение Сологуба не прибавит ничего» // *Источник.* 1995. № 5. С. 66–71.
- 33 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 319. Л. 75–75об. Вас.И. Немирович-Данченко (1844–1936), писатель, мемуарист, брат Вл.И. Немировича-Данченко.
- 34 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 385. Л. 326. Вероятнее всего это письмо было написано уже после начала скандала с Бальмонтом в середине июля. В итоге Вас.И. Немирович-Данченко выехал из России в конце 1921 г.
- 35 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 398. л. 3–3об.
- 36 См.: *Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 85; письмо Бальмонта к Луначарскому от 16 марта 1920 г. (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 429).
- 37 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 318. Л. 183об. О командировке Ф.И. Щербацкого см. также: ЛН 80. С. 207.
- 38 *Котрелев Н.В.* Вяч. Иванов – член Общества любителей российской словесности. С. 332.
- 39 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 318. Л. 187–188. Пройти все необходимые инстанции Иванову могли помочь О.Д. и Л.Б. Каменевы. Пока обнаружено лишь одно письмо Иванова Л.Б. Каменеву:

6 мая 1920

Глубокоуважаемый Лев Борисович,

Беру смелость направить к Вам Вольфганга (Владимира Николаевича) Грёгера, даровитого немецкого поэта, уроженца Риги. Ему хочется пробраться в Германию, как в целях литературной деятельности, так и потому, что там живет его семья. Он был застигнут войною в Германии и выслан оттуда, как русский подданный. Он нуждается во влиятельной рекомендации в [одно слово нрзб. – Р.Б.], точнее к т. Эйдуку: Там обещали ему, при условии такой рекомендации, доставить его в Латвию. Может быть, Вы найдете возможность помочь ему, чем и меня премного обяжете.

С глубоким уважением душевно преданный Вам Вячеслав Иванов (РЦХИНДНИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 163. Л. 41).

- В эти годы Л.Б. Каменев был председателем московского горсовета и членом Политбюро. Вольфганг Грегер (Groeger, 1882–1952) в 1919 г. жил в санатории «Серебряный бор», где и познакомился с Вяч. Ивановым и его семьей (*Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 84). В 1922 г. опубликовал немецкий перевод статьи Иванова 1919 г. «О кризисе гуманизма»: *Iwanow W. Klüfte. Über d. Krisis d. Humanismus.* Berlin, 1922. См. также: *Ivanov V. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass* / Herausg. Michael Wachtel. Mainz, 1995. Эйдук – это, возможно, Ф.В. Эйдукевич (наст. фам. Эйдукавичюс, 1869–1926).
- 40 Хотя Иванов уже начал готовиться к отъезду, доверив ученому секретарю ЛИТО П.А. Кузько получить его жалование за май в записке от 1 июня 1920 г. (РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 56).
- 41 ЛН 80. С. 188–189. Из этого письма следует, что, добившись от Наркомфина для Иванова месячного оклада в 50.000 рублей думского образца, Луначарский обратился также в Внешторг за дополнительной суммой в конвертируемой валюте, но получил решительный отказ (Там же. С. 188–189).
- 42 См.: *Гершензон М.О.* Письма к Льву Шестову. 1920–1925 / Публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя // *Минувшее.* Вып. 6. Париж, 1988. С. 245.
- 43 См.: *Известия.* 1920. № 134. 22 июня. С. 2; № 136. 24 июня. С. 2; № 142. 1 июля. С. 2 (об оппонировании на докладе Луначарского «Правда материалистиче-

- ского мирозерцания»); № 144. 3 июля. С. 2; № 152. 13 июля. С. 2 (об оппонировании на докладе Луначарского «О преемственности культуры»).
- 44 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Ед. хр. 254. Л. 35–39. Андреа Торре (1866–1940) — министр народного образования в правительстве Франческо Нитти (правительство просуществовало с 23 июня 1919 г. по 15 июня 1920 г.). Л.М. Карахан (наст. фам. Караханян; 1889–1937) в 1918–1920 гг. был заместителем комиссара по иностранным делам. В недатированном и неоконченном черновике письма Ленину Иванов писал: «Глубокоуважаемый Владимир Ильич, Секретарь Совета Народных Комиссаров, тов. Фотиева, писала мне от 28 июля за № 882: “По поручению В. И. Ленина сообщаю, что по поводу возбужденного Вами ходатайства о разрешении Вам выехать за границу мною были запрошены соответствующие ведомства, причем выяснилось, что в настоящий момент такое разрешение дано быть не может”» (РНБ. Ф. 304. Ед. хр. 48). Г.В. Обатнин датирует это письмо 1919 г. (*Обатнин Г.В.* Указ. соч. С. 224), но по содержанию оно явно относится к 1920 г.
- 45 См. прим. 24.
- 46 В конце концов (*фр.*)
- 47 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Ед. 254. Л. 40–40об. В.Р. Менжинский (1874–1934) — партийный деятель, в 1920 г. — начальник Особого отдела ВЧК. Сестра Менжинского Вера (1872–1944) возглавляла ТЕО с февраля по сентябрь 1920, а другая сестра, Людмила (1876–1933), возглавляла Отдел единой трудовой школы, где (как видно из письма Иванова к Крупской) служила и В.К. Иванова.
- 48 О заявлении Мережковского и Гиппиус в поддержку польского наступления (напечатанном 10 июля 1920 г.) см.: *Гиппиус-Мережковская З.И.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 282–283. Их пропольская позиция упоминается уже в заметке о Савинкове (В стане контр-революции // *Известия.* 1920. № 142. 1 июля).
- 49 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 321. Л. 260, 261об.
- 50 ЛН 80. С. 208. См. также письмо Бальмонта от 22 июля с опровержением слухов: ЛН 80. С. 210; ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 2. Д. 796. Л. 176–177. Источник сведений о якобы имевшем место выступлении Бальмонта остается неизвестным; нам не удалось найти упоминаемую иногда заметку в «Известиях» за 10 июля. В любом случае к середине 1921 г. Бальмонт по собственному признанию уже «несколько раз резко выступал против большевиков» (письмо к Дагмар Шаховской от 22 мая 1921 г. // *Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, Gen MSS 315*); ср. его очерки 1921 г. «Факел в ночи», «Где правда?» и др. в кн.: *Бальмонт К.Д.* Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма / Сост. В. Крейд. М., 1992. С. 214–221. О получении Бальмонтом немецкой визы см. его очерк «Завтра. 1921.VI.24» (Там же. С. 216–217). Белый тоже возлагал на Бальмонта вину за провал своих планов уехать; см. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 208–209.
- 51 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 385. Л. 336. Ср. ЛН 80 С.207 (здесь письмо предположительно датировано 28 июля 1920 г.). См. также: письмо Луначарского к Наркоминделу Г.В. Чичерину от 26 июля: «В зависимости от этого (т.е. от подтверждения или опровержения слухов о Бальмонте. — Р.Б.) Владимир Ильич и Особотдел ставят отпуска для некоторых весьма нуждающихся в поездке за границу лиц» (ЛН 80. С. 208).
- 52 ЛН 80. С. 208.
- 53 Книга и революция. 1920. № 3–4. С. 101; ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 385. Л. 231 (машинопись от 2 октября 1920 г.). Хотя заметка была адресована в «Известия», нам не удалось обнаружить ее в доступных нам номерах газеты.
- 54 См.: ЛН 80. С. 210, 292–294.
- 55 См.: *Луначарский А.В.* Ответ Ромену Роллану // *Вестник иностранной литературы.* 1928. № 3 (перепечатано в: *Луначарский А.В.* Собр. соч. Т. 5. М., 1965.

- С. 529–535); *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 30. М., 1955. С. 83–86 (письмо к Р. Роллану от 22 марта 1928 г.).
- 56 29 августа 1920 г. Иванов пишет Ал. Чеботаревской: «...за 20 дней пришлось ликвидировать дело о заграничной поездке, устроить кавказскую командировку» (ИРЛИ. Ф. 189. № 92. Л. 19). М.Л. Гаспаров пишет, что в Kisловодск Иванова «решили перевезти» поэты В.А. Меркурьева и А.С. Кочетков, «спасая от голода и холода»; см.: *Гаспаров М.Л.* Вера Меркурьева (1876–1943): Стихи и жизнь // Лица: Биографич. альманах. Вып. 5. М., СПб., 1994. С. 56; см. также: Письма В.И. Иванова к В.А. Меркурьевой // Рус. литература. 1991. № 1. С. 176–180.
- 57 См.: *Альтман М.С.* Указ. соч. С. 115.
- 58 Ранее в 1920 г. Наркомпрос уже рассматривал вопрос о обеспечении Азербайджанского государственного университета квалифицированными кадрами; см.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 319. Л. 86; РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. Ед. хр. 1098.
- 59 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 319. Л. 97. В повестке дня, разосланной до заседания 12 августа, вопроса о командировке Иванова нет, что, возможно, указывает на спешность его рассмотрения (см.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 385. Л. 312).
- 60 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 385. Л. 116. 21 августа 1920 г. Наркомпрос выдал Иванову охранную грамоту, на основании которой квартира и библиотека Иванова не подлежали реквизиции (ИРЛИ. Ф. 189. Доп. пост. Л. 1).
- 61 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 322. Л. 251, 257; письмо А.А. Бахрушина см.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 385. Л. 116. О судьбе ивановского архива см.: *Обаттин Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 29–31. О судьбе библиотеки Иванова ничего достоверно неизвестно. Иванов оставил библиотеку и архив на руках Ал. Чеботаревской, но 14 июля 1921 г. Бахрушин сообщал Луначарскому, что библиотека Иванова еще не сдана на хранение в музей (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 2. Д. 794. Л. 272), 26 июля 1924 г. Ал. Чеботаревская сообщает Иванову, что нужно вывезти книги из его бывшей квартиры и сдать в ГАХН (ИРЛИ. Ф. 189. № 47. Л. 1), но в доверенности от 27 августа 1924 г. Иванов поручает О.А. Шор «наблюдение за моей библиотекой, хранящейся в Гос<ударственном> Театр<альном> Музее имени А.А. Бахрушина, с правом ее продажи» (РГАЛИ ф.225 оп.1 ед.хр.56 л.4). Ал. Чеботаревская являлась ближайшим другом Иванова в эти годы, о чем свидетельствует их странная переписка (ИРЛИ. Ф. 189. № 92, готовится к печати А.В. Лавровым). О.А. Шор, которая с 1924 г. берет на себя роль Чеботаревской, впервые упоминается в связи с Ивановым в июле 1924 г., когда она организует вечер поэзии Иванова в ГАХН, состоявшийся 16 июля (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 117–119). В дальнейшем Иванов доверяет ведение своих дел преимущественно ей (см.: РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 3; см. также переписку с О.А. Шор за 1924–1927 гг. в Римском архиве В.И. Иванова).
- 62 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 322. Л. 258. Согласно данным университетского архива Иванов был избран профессором Смоленского университета, но к преподаванию не приступил (сообщено Н.В. Котрелевым, за что выражаем ему искреннюю благодарность). 23 августа 1920 г. Иванов получил в Дворце искусств «грамоту, утверждающую достоинство мастера» (ИРЛИ. Ф. 607. № 210).
- 63 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 385. Л. 119; ср. запрос Луначарского Наркомздраву Семашко о Белом от 13 августа 1920; там же, л. 118.
- 64 27 октября 1920 г. Иванов пишет Ал. Чеботаревской: «Ожидая от Анатолия Васильевича [Луначарского], которому писал несколько раз откровенно о своих затруднениях, окончательных указаний» (ИРЛИ. Ф. 189. № 92. Л. 24). Ср. *Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 87–88.
- 65 Как мне быть (*фр.*).
- 66 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 385. Л. 110–111об.

- 67 См.: *Котрелев Н.В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. С. 326; *Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 88–92.
- 68 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Ед. хр. 796. Л. 339об. В.Г. Сахновский (1886–1945) — режиссер, драматург, театровед.
- 69 Напр., С.М. Городецкий, А.Е. Крученых, В. Хлебников; см.: *Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 91, 106–107; *Альтман М.С.* Указ. соч. С. 125, 143–145, 195–196, 231–234, 280–282; *Миллиор Е.А.* Беседы философские и не философские. С. 17; *Трубецкой Ю.* Вячеслав Иванов на Кавказе // Рус. мысль. 1956. № 1176. 20 февраля; *Трубецкой Ю.* Отраженный свет // Новое русское слово. 1950. № 14080. 12 ноября.
- 70 20 февраля 1921 г. Иванов пишет Ал. Чеботаревской: «Удивительно, что Луначарский нас игнорирует. Я посылал ему и из Баку отчет <...> Чего бы я желал, это возобновление дела о моей заграничной командировке. Здешний университет и Наркомпрос командировал бы меня, а Москва дала бы нужные деньги, — вот о чем следовало бы попросить и похлопотать для меня, иначе отсюда ничего не добьешься, а в Москву самому ехать крайне затруднительно» (ИРЛИ. Ф. 189. № 92. Л. 30).
- 71 Помни афинян (*греч.*) — изречение из рассказа Геродота о Ксерксе, смысл которого можно передать как «не забывай о своем главном деле».
- 72 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 796. Л. 246–247. В 1919–1922 гг. историк литературы В.В. Сиповский (1872–1930) был профессором и проректором университета в Баку. Письмо самого Сиповского не выявлено, и неизвестно о чем именно идет речь. Ср.: *Альтман М.С.* Указ. соч. С. 116 (письмо Иванова к И.М. Гревсу от 12 мая 1922 г.).
- 73 См.: *Динерштейн Е.* К истории отъезда М. Горького из Советской России (М. Горький и Издательство З.И. Гржебина) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 377–386. Еще 21 или 22 марта И.Э. Эренбург уехал в Ригу, получив разрешение лично от В.Р. Менжинского (*Илья Эренбург.* Хроника жизни и творчества. Т. 1. 1891–1923. СПб., 1993. С. 203).
- 74 См.: *Котрелев Н.В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. С. 338.
- 75 Неизвестное письмо Вяч. Ив. Иванова академику С.Ф. Ольденбургу. С. 255. См. также письмо «в филологический факультет Московского университета» (ИРЛИ. Ф. 94. Д. 74. Л. 5).
- 76 РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 1–2об.
- 77 *Альтман М.С.* Указ. соч. С. 262.
- 78 В тот же день Иванов пишет Ал. Чеботаревской о скандале, возникшем из-за ее телеграммы о возможной командировке Иванова: «с моим отъездом словесное отделение <...> оказалось бы в середине учебного года совсем почти пустым. Мало того, наркомпрос Кулиев с негодованием объявил ректору, что он меня не пустит <...> Я решил бы поехать весной — один или, лучше, с Вами вдвоем — в Москву pour tater la terrain [чтобы попробовать почву (*фр.*)] (понятно, насчет заграничной командировки), но теперешние вести о войне исполняют меня благодарностью к Промыслу» (ИРЛИ. Ф. 189. № 92. Л. 33). Мустафа Кулиев (1893–1938) — народный комиссар просвещения Азербайджанской ССР в 1922–1928 гг. 7 июня Иванов пишет: «<...> единственное желание мое, также весьма относительное, составляет поездка за границу, — скажем, на худой конец, в Германию. Со времени французской оккупации я решительно усмотрел несвоевременность таковой поездки, которая грозила бы поставить нас в неожиданно тяжкие условия. Тогда я решил спокойно продолжать свою разумно найденную и соответствующую моим вкусам линию поведения, т.е. бакинское сидение» (Там же. Л. 35об.). Здесь же Иванов упоминает о возможной поездке в Москву, «которая была бы для меня крайне утомительна и даже мучительна, но в некоторых отношениях прямо полезна. И я ожидал просто бла-

- гоприятной в этом направлении комбинации в Наркомпросе, где ныне состою ответственным работником по заведыванию художественными школами и председателем Художественной Секции» (Там же. Л. 36–36об.).
- 79 РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 4об.; ср. письмо В.И. Иванова к А.М. Евлахову от 23 августа 1923: «долгая академическая» традиция хранится единственно у нас» (ИРЛИ. Ф. 680. № 26. Л. 4об.).
- 80 РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 1–1об. Цитата из «Евгения Онегина» (1, 2). Далее Иванов рассказывает о диссертации и курсах, а в приписке просит выяснить обстоятельства ареста А.Д. Скалдина, о чем он дважды писал А.В. Луначарскому (Там же. Л. 3–3об.), и по разу П.С. Когану (РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 54) и Л.Б. Каменеву (письмо неизвестно; см. об этом письмо Иванова Ал. Чеботаревской от 3 июля 1923 г. – ИРЛИ. Ф. 189. № 92. Л. 42). Об аресте Скалдина см.: Царькова Т.С. «Скалдиновщина» (Саратовский период жизни А.Д. Скалдина) // Лица: Биограф. альманах. Вып. 5. М.; СПб., 1994. С. 460–486, особенно с. 468.
- 81 См.: *Альтман М.С.* Указ. соч. С. 119. В.М. Мануйлов (О Вячеславе Иванове. С. 353) пишет, что Иванова пригласил Луначарский, но по сведениям Н.В. Котрелева приглашение исходило от Общества любителей российской словесности (*Котрелев Н.В.* Иванов Вячеслав Иванович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции: первая треть XX века. Энциклопедия и биографический словарь. М., 1997. С. 261). Интересно, что как раз 29 мая в «Известиях» в статье покойного Евг. Вахтангова предпослана цитата (причем основанная на евангельском образе) из книги Иванова «По звездам» («С художника спросится» (Известия. 1924. № 121. 29 мая). О докладе Иванова см.: *Котрелев Н.В.* Вяч. Иванов – профессор Бакинского университета. С.335; Печать и революция. 1924. № 3. С. 287; К 125-летию со дня рождения Пушкина // Известия. 1924. № 128. 7 июня.
- 82 См.: *Котрелев Н.В.* Вяч. Иванов – профессор Бакинского университета. С. 335.
- 83 *Гершензон М.О.* Письма к Льву Шестову. С. 300–301; ср.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т. 1. Париж, 1983. С. 277–278.
- 84 *Гершензон М.О.* Письма к Льву Шестову. С. 302.
- 85 См. письмо Иванова к Луначарскому от 28 августа 1924 г., написанное «перед отъездом на вокзал»: РГАЛИ. Ф. 279. Оп. 3. Ед. хр. 15. Письмо представляет собой просьбу оказать помощь поэтессе О.А. Мочаловой (1898–1978), участнице Кружка поэзии в 1920 г., автору воспоминаний об Иванове (См.: *Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 361–367). Уже 20 июня 1924 г. Иванов телеграфировал Ал. Чеботаревской о предстоящем в ближайшее время отъезде (ИРЛИ. Ф. 189. № 92. Л. 44). Ожидая отъезда, Иванов участвовал в различного рода литературных мероприятиях, в том числе в устроенном О.А. Шор в его честь вечере 16 июля 1924 г., проведенном в ГАХН (РГАЛИ. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 117–119).
- 86 *Гершензон М.О.* Письма к Льву Шестову. С. 302. По другим сведениям «устроил» командировку Луначарский (*Мануйлов В.М.* О Вячеславе Иванове. С. 353–357). Вопрос не совсем праздный, так как впоследствии Иванов часто ссылался на данное им Луначарскому обещание не печататься в эмигрантской или хотя бы в антисоветской печати (*Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 150; Четыре письма В.И. Иванова В.Ф. Ходасевичу // Новый журнал. № 62. С. 286). Однако ср.: *Архиепископ Иоанн (Шаховской).* Биография юности. Париж, 1977. С. 223; *Гершензон М.О.* Письма к Льву Шестову. С. 303–304; *Баранова-Шестова Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 278.
- 87 *Котрелев Н.В.* Вяч. Иванов – профессор Бакинского университета. С. 339.
- 88 См.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 2306. Л. 90. Ср.: РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 2. Ед. хр. 81, 273; РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 24.
- 89 См.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 2784. Л. 7–9.

- 90 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 3397. Л. 296.
- 91 XIV международная художественная выставка в Венеции // Известия. 1924. № 129. 8 июня.
- 92 *Иванова Л.В.* Указ. соч. С.130. Согласно Л.В. Ивановой, присутствие на выставке являлось главной задачей командировки (Там же. С. 119, 130).
- 93 См. переписку Иванова с Луначарским: *Шишкин А.Б.* Из римского архива Вячеслава Иванова. С. 549–559. 8 октября 1920 г. Л.В. Иванова пишет Ал. Чеботаревской: «Вопрос о его (т.е. В.И. Иванова. — Р.Б.) институте подвигается плохо, здесь встречаются масса препон, впрочем все зависит, конечно, от Москвы, а оттуда еще не было ответа на его послания к Анат. Васильевичу» (ИРЛИ. Ф. 189. № 95. Л. 26об.).
- 94 постом (*фр.*).
- 95 Восточно-европейским институтом (*ит.*).
- 96 Богини Фортуны (*лат.*).
- 97 РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 3–3об. М.С. Шефтель — возможно, Марк Шефтель (Marc Szeftel), историк, впоследствии профессор Корнеллского университета, коллега В.В. Набокова, специалист по «Слову о полку Игореве». Ср. письмо к И.М. Брюсовой о смерти В.Я. Брюсова от 19 октября 1924 г. (Лит. наследство. Т. 85. М., 1976. С. 544), где, впрочем, Иванов приводит ту же строчку из стихотворения Пушкина «Чем чаще празднует лицей...».
- 98 См.: *Шишкин А.Б.* Из римского архива Вячеслава Иванова. С. 556–557.
- 99 ИРЛИ. Ф. 189. № 92. Л. 51об.–52; ср.: СС I 173–174, III 851–853; *Иванова Л.В.* Указ. соч. С.152. См. также письма к О.А. Шор от 16 июня и 11 июля 1926 (Римский архив В.И. Иванова).
- 100 См.: ИРЛИ. Ф. 387. № 168 (письмо В.И. Иванова к М.А. Цявловскому от 24 мая 1924 г.).
- 101 *Терновец Б.Н.* Письма. Дневники. Статьи. М., 1977. С. 229. Терновец еще в 1924 г. видел Иванова в Риме (там же).
- 102 См.: РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 1.
- 103 См.: *Шишкин А.Б.* Из римского архива Вячеслава Иванова. С. 558–559; РГАЛИ. Ф. 279. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 6.
- 104 См.: *Шишкин А.Б.* Из римского архива Вячеслава Иванова. С. 559; РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 2.
- 105 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 3328. Л. 128.
- 106 РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 4–5; ср. *Климов А.Е.* Вячеслав Иванов в Италии (1924–1949) // Русская литература в эмиграции. Сб. статей. Питтсбург, 1972. С. 154–155. О посещении Иванова Коганом в Риме в 1925 г. см.: *Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 134 (ошибочно приурочено к 1927 г.). В письме Луначарскому от 8 апреля 1928 г. Иванов уточняет, что содержание из Цекубу высылалось «по 5-й (высшей) категории» (РГАЛИ. Ф. 279. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 1об.). В письмах 1926 г. к О.А. Шор Иванов часто упоминает о получении месячного оклада из Цекубу в размере 40–50 долларов (Римский архив В.И. Иванова).
- 107 РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 1; ср.: *Шишкин А.Б.* Из римского архива Вячеслава Иванова. С. 558. В начале 1927 г., напр., Иванов прочитал цикл лекций о русской религиозной философии (*Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 171–172), конспект которых опубликован в статье: *dell'Isola M. Il pensiero religioso russo* // *Bilychnis*. 1927. Anno XVI. Fasc. 4. Vol. XXIV. № 4. P. 270–273
- 108 РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 253. Л. 2об.; *Обатнин Г.В.* Вяч. Иванов. Доклад «Евангельский смысл слова «Земля»». Письма. Автобиография (1926) // Еже-

- годник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 167. См. ответ Иванова (публ. А. Батуриной): *Вечерний Ленинград*. 1989. 10 августа.
- 109 См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 253. Л. 1—2 (ср.: *Обратник Г.В.* Вяч. Иванов. Доклад «Евангельский смысл слова «Земля»». Письма. Автобиография (1926). С. 166—170). В своем заявлении в ГАХН Иванов говорит, в частности: «С осени 1924 научная заграничная командировка для работ по греческой религии и Эсхилу в Италии» (Там же. Л. 2об.). В переговорах с ГАХН Иванов часто предлагался на помощь О.А. Шор, а после ее отъезда в Рим в начале 1927 г. — на помощь ее матери Р.М. Шор (см.: РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 48). Сама О.А. Шор, научная сотрудница ГАХН, еще в мае 1925 г. получила трехмесячный заграничный отпуск, которым, видимо, не воспользовалась (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 706. Л. 4—6). Такой же отпуск она получила в марте 1926 г. и еще в декабре того же года (Там же. Л. 7, 14; ср.: Там же. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 70, 71). В начале 1927 г. она выехала для «сбора библиографических материалов и установления сношений в связи с Монце-Миланской выставкой» (см. заявление ГАХН в Домоуправление с просьбой закрепить квартиру за О.А. Шор до приезда: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 706. Л.16).
- 110 РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 7—8. Коган посетил Иванова в Павии во время своего пребывания в Италии в мае 1927 г. (см.: *Иванова Л.В.* Указ. соч. С. 134). Упомянутое издание трагедий Эскила не было осуществлено.
- 111 РГАЛИ. Ф. 279. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 1об.—2. Иванов повторил свою просьбу («в надежде на Ваше дальнейшее просвещенное покровительство») в письме к Луначарскому от 5 сентября 1924 г. (Там же. Л. 6).
- 112 Там же. Л. 4. Д.И. Курский (1874—1932) был послом СССР в Италии в 1928—1932 гг.
- 113 Там же. Л. 5.
- 114 Там же. Л. 8, с приписками Яковлевой и Луначарского; см.: *Шишкин А.Б.* Из римского архива Вячеслава Иванова. С. 559. П.М. Керженцев (1881—1940) был послом СССР в Италии в 1925—1926 гг., а в 1926—1927 гг. послом являлся Л.Б. Каменев, чем, может быть, отчасти объясняется благосклонное отношение к нему в эти годы со стороны представительства в Риме.
- 115 Там же. Л. 6, 8.
- 116 РЦХИИДНИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 545. Л. 8; ср.: Лит. наследство. Т. 70. М., 1963. С. 213—214.
- 117 См.: *Шишкин А.Б.* Из римского архива Вячеслава Иванова. С. 559. По данным А.Е. Климова, Иванов получал пособие от Цекубу вплоть до 1930 г.; *Климов А.Е.* Вячеслав Иванов в Италии. С. 155.
- 118 Единственным исключением является участие Иванова в издании Собрания сочинений Гете, где был напечатан его перевод «Прометей» (*Гете И.В.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М.; Л., 1932. С. 77—95). Еще в феврале 1929 г. Иванов числился соредактором этого издания, наряду с Луначарским, Каменевым, Коганом и др. (см.: РЦХИИДНИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 589. Л. 22); см. также: *Иванов Вяч.* Неизвестные стихотворения и переводы / Публ. Д.В. Иванова и А.Б. Шишкина // *Новое литературное обозрение*. 1994. № 10. С. 19.
- 119 Однако в 1933 г. Иванова еще не называют эмигрантом, о чем свидетельствует статья Бориса Михайловского о нем в Большой советской энциклопедии: «После Октябрьской революции И<ванов> с отчаянием «воспевал» невзгоды интеллигентного быта периода воен. коммунизма, придавая им космические масштабы. С 1924 И<ванов> живет в Италии, занимаясь переводом Данте» (*Большая советская энциклопедия*. Т. 27. М., 1933. С. 338).